

УПОМИНАНИЯ О «ВОРОВСКОМ ЗАКОНЕ» И ВЫРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ В РОМАНЕ «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК»

Евгений Зубков

кандидат филологических наук, доцент, Институт иностранных
языков Университета Яна Кохановского в г. Кельце (Польша)

ABSTRACT

W artykule zostały zbadane sposoby wyrażania modeli mentalnych charakterystycznych dla „złodziei w zakonie”, jak również samego prawa złodziejskiego w powieści „Złoty cielec” I. Ilfa i E. Petrowa. Szczególną uwagę zwraca się na prezentację językowej formalnych więzi w stosunku do referencyjnej przestrzeni antysystemu. Został rozpatrzony sposób wyrażania modeli mentalne za pomocą znaków ideograficznych, które stają się symbolami w powiązaniu z konkretnym miejscem odniesienia.

Słowa kluczowe: model mentalny, przestrzeń referencyjna, prawo złodziejskie.

Метою статті є дослідження способів вираження ментальних моделей, властивих «зłodзіям у законі», а також самого Зłodійського Закону в романі «Золоте теля». Особлива увага приділяється вираженню мовними засобами формальних зв'язків у віднесенні до референтного простору антисистеми, що розглядається. Було розглянуто спосіб вираження ментальних моделей за допомогою ідеографічних знаків, що стають символами при співвіднесенні з певним референтним простором.

Ключові слова: ментальна модель, референтний простір, Зłodійський Закон.

The paper aims to analyze the ways of representation of mental models that are attributed to «Thieves in Law» and the «Thieves' Law/Order» itself in a novel «The Little Golden Calf». Special attention is drawn to the representation of formal relations by language means with regard to the reference space of the anti-system under study. The author also focuses on the way of the representation of mental models by ideographic signs that become symbols in certain reference space.

Key words: mental model, reference space, Thieves' Law/Order.

Целью статьи является исследование способов выражения ментальных моделей, свойственных «ворам в законе», а также самого Воровского Закона в романе «Золотой теленок». Особое внимание уделяется выражению языковыми средствами формальных связей в отнесении к референтному пространству рассматриваемой антисистемы. Был рассмотрен способ выражения ментальных моделей при помощи идеографических знаков, становящихся символами при соотношении с определенным референтным пространством.

Ключевые слова: ментальная модель, референтное пространство, Воровской Закон.

К упоминаниям о Воровском Законе в романе «Золотой теленок» мы обращались в предыдущих исследованиях [11,12]. Был проанализирован ряд

стереотипов и алгоритмов поведения, свойственных т.н. «ворам в законе» и являвшихся выражением определенных ментальных моделей. В ряде случаев эти стереотипы и алгоритмы поведения являлись устойчивыми элементами сюжета и были свойственны главному герою, Остапу Бендеру. В других случаях упоминания о них были эпизодичны и свойственны иным персонажам. Эти стереотипы и алгоритмы поведения объединяло отнесение к Воровскому Закону и соответствующая мотивированность. Кроме стереотипов и алгоритмов поведения, нами были обнаружены другие упоминания о Воровском Законе, которые также имплицировали и эксплицировали интересующие нас ментальные модели, но несколькими иными способами, чем описательно выраженные стереотипы и алгоритмы поведения. Целью представленной статьи является попытка описания различий языковых способов выражения ментальных моделей при помощи разноуровневых знаков.

На основе синтеза взглядов Л. Н. Гумилева, У. Эко, и О. В. Лещака мы неоднократно указывали на то, что «(...) под Воровским Законом (без разделения на Новый и Старый) понимается синтез представлений о Старом римском праве до кодификации Юстиниана (Законы XII таблиц, Институции Гая, Салическая правда), Устной Традиции (с элементами Гемары и Каббалы), восточной ветви митраизма (Законы Ману и черный бон модифицированный тантраяной), Кодексе Хаммурапи и воззрениях иудео-христиан (есеев, мандеев, тибетских вариантов шиизма)» [6]. Воровской Закон как «дискретная антисистема» исследовался нами на географической, культурологической, этнологической, политико-исторической, этнографической, биографической, и филологической «степенях приближения» согласно концепции Л. Н. Гумилева. Мы рассматривали Воровской Закон также как «отсутствующую структуру» («пра-структуру», идеологию), согласно взглядам У. Эко. Проблему «скрупулюсов» в концепции этногенеза (аберрацию при смене «степеней приближения») и структуралистские неточности в «условных упрощениях» (линейность функций в процессе передачи информации) в концепции У. Эко мы устранили при помощи функционально-прагматической модели лингвосемиотического опыта О.В Лещака. Функционально-прагматическая модель лингвосемиотического опыта позволила учитывать при анализе уголовного дискурса т.н. необратимые (асимметричные функции) Воровского Закона как «криптосистемы с открытым ключом» [9, с. 292-303]. Действие таких функций будет показано нами ниже на примере референтных пространств, пока же ограничимся обширной, но нужной цитатой:

«(...) знак, его значение и все его составляющие являются совокупностью отношений с другими элементами опыта, т.е. с понятиями и представлениями, которые номинирует данный знак, с другими знаками, с которыми данный знак входит в одни и те же классы и поля, а также с речевыми знаками и сигналами, которые представляют данный знак в речи. Для объяснения данного положения весьма полезной может оказаться метафора клубка ниток. Представим себе клубок ниток разной фактуры, толщины, цвета, длины, которые тянутся от данного клубка к другим таким клубкам. Каждая нить — это связь, отношение данного клубка с другим или другими. Это может быть связь парадигматическая (и тогда она символизирует вхождение данных клубков в один и тот же класс), но может быть и синтагматическая (тогда она обозначает возможность смежного функционирования в одном и том же поле), семантическая (обозначающая понятийную общность данной единицы с другими), или формальная (свидетельствующая о сходстве или смежности формы), денотативная (связи-

вающая клубок с другими клубками), или коннотативная (связывающая его с ситуациями, видами деятельности, эмоциями, волеизъявлениями, ощущениями человека). (...) Убрав последнюю нить, мы останемся ни с чем, поскольку данный клубок представлял собой, собственно, совокупность отношений с другими клубками. Этот символический клубок и есть знак, а нити — составляющие его элементы (...)» [17, с. 180-181].

Термин референтное пространство при этом понимается нами согласно методологии, предложенной В.И. Заикой:

«(...) обоснуем необходимость разграничения понятий ‚план содержания‘ и ‚референтное пространство‘. Подходом к этой дихотомии было обсуждение различий между текстом и произведением при рассмотрении общих вопросов плана выражения. (...) отметим, что для разграничения плана содержания и референтного пространства существенным является признак линейности / нелинейности. План содержания — один из двух планов текста, поэтому он в целом линейен. Образы, составляющие план содержания, обеспечивают затрудненность, преодоление которой (например, ‚преодоление границ‘ как событийная структура) и есть создание референтного пространства. Само же референтное пространство является нелинейным образованием» [5, с. 301-302].

При исследовании упоминаний о Воровском Законе мы сталкиваемся с тем, что огромное количество «символических клубков» и «нитей» выцвело, потеряло форму или оборвалось из-за дискретности сигнала и разрыва «характеристик связей». Иными словами, на какой-либо «степени приближения» исчезнувшая «нить» может быть восстановлена несмотря на нелинейность и даже асимметричность рассматриваемых функций.

Приведем более конкретный пример, непосредственно имеющий отношение к нашему исследованию. На первой стадии исследования мы сосредоточились на образе Остапа Бендера как «вора в законе». На «филологической» и «биографической» «степенях приближения» мы не увидим формальных связей между «ворами в законе» и рассматриваемым произведением, словоупотреблений «вор в законе» и «Воровской Закон» в романе «Золотой теленок» мы не встретим. Словоупотребление «Золотая рота» (номинация для «(Воровского) Закона» в XIX веке) встречается только раз в шутивно-ироничной форме [14, с. 594]. В романе мы не встретим также явных арготизмов, жаргонизмов, элементов фени и т.д. с точки зрения формальных связей. Однако на иных «степенях приближения» связь между исследуемой антисистемой (Воровским Законом) и рассматриваемыми стереотипами и алгоритмами поведения в романе «Золотой теленок» становится очевидной. Более того, при повторном анализе текста романа нами были выявлены иносказательные компоненты, которые уже на основе формальных признаков могли быть рассмотрены как упоминания о Воровском Законе: «в этой связи заметим, что вероятность опознания ссылки, цитаты в словосочетании на порядок выше вероятности опознания их в слове» [5, с. 311]. Повторный анализ текста романа был вызван проверкой тезиса О.В. Лещака, что «(...) многие элементы текста узнаются или прогнозируются с большей или меньшей степенью вероятности при его вторичном прочтении» [18, с. 310].

Для доказательства отнесения обнаруженных иносказательных компонентов к Воровскому Закону нам было необходимо рассмотрение референтного пространства Воровского Закона. В референтном пространстве Воровского Закона синтез упомянутых выше религиозно-правовых систем происходил на

основе т.н. «взаимного воздействия текстов», т.е. непротиворечивости мыслей (как ментальных моделей) одного из (условно) кодексов остальным четырем. Явление «взаимного воздействия текстов» хорошо изучено в языкознании: «Взаимное воздействие текстов» мы понимаем только как формирование нового референтного пространства на основе (с использованием) соответствующего ментального пространства и в результате этого как деформацию последнего. Как уже отмечалось, ментальные пространства формируются постепенным восприятием всех форм воплощения художественной модели и ее интерпретаций (...)» [5, с. 311]. С точки зрения точных наук, такое взаимодействие рассматривалось нами как «сюррективное отображение топологических пространств», где «множество с дополнительной структурой может быть определено предбазой (...) без существенных модификаций версий системы «Эйдос», даже при недостатке исходных данных» [10]. Важным является определение предбазы, которая в случае «криптосистемы с открытым ключом» легко может оказаться псевдобазой. Эта проблема была нами устранена при помощи соответствующей модели для анализа русского уголовного дискурса.

В романе «Золотой теленок» нами были установлены следующие формы выражения ментальных моделей, свойственных т.н. «ворам в законе», и упоминаний о Воровском Законе [11,12]:

1) Описательная форма «характеристик связей», выражаемых в стереотипах и алгоритмах поведения (и соответствующих ментальных моделях) без формальных языковых связей согласно функционально-прагматической модели лингвосемиотического опыта. С точки зрения процесса передачи информации, знаково-коммуникативные функции были в данных случаях линейны. К ним были отнесены:

- отъем украденных денег одним преступником у другого.. Обоснованием являлось т.н. «отрицательное соучастие», дореволюционный правовой термин, в настоящее время упрощенно понимаемый как недоносительство о преступлении;

- стремление к легализации, в том числе и в местах лишения свободы при наличии выгоды;

- знание законодательства и индифферентное отношение к религиозным конфессиям, называемым мировыми религиями;

- не совершать самому противоправных действий;

- отсутствие запрещенных предметов при себе и в личных вещах;

- выдумывание фальшивых родословных и выдавание себя за кого-то другого. Анализ этого наиболее устойчивого элемента сюжета позволил установить наличие иносказательного компонента и формальной связи (о чем ниже). Мы обратили внимание на то, что под «детьми лейтенанта Шмидта», «внуками Карла Маркса», «племянниками Фридриха Энгельса», «братьями Луначарского», «кузинами Клары Цеткин» и «потомками князя Кропоткина» авторы романа подразумевали «воров». Остап Бендер себя к «детям лейтенанта Шмидта» не причислял, он постоянно называл себя «сыном турецко-подданного» и «потомком янычаров». Эти словоупотребления указывали не на родство, а на идеологическую преемственность. Это предположение позволило найти иносказательный компонент, удаленный из общеизвестной версии романа — «сын Парвы».

2) Появление иносказательного компонента на основе формальной связи заметно только при учете референтного пространства Воровского Закона.

Здесь функции нелинейны, в некоторых случаях асимметричны, что было замечено В.И. Заикой: «завершая рассмотрение соотношения образов и референтов и специфики референтов, нужно отметить факты непоследовательной корреляции плана содержания и референтного пространства, то есть их асимметрию» [5, с. 314]. Референтное пространство Воровского Закона настолько искривлено, что в нем сходятся не сводимые линейно референтные пространства религиозно-правовых систем, являющихся его интегральными частями. Наиболее ярко это проиллюстрирует «родословная» «сына турецко-подданного» — иносказательный компонент «сын Парвы» [15, с. 35]. Поиск формальной связи слова Парва дал следующие отнесения:

Словоупотребления «брамин» и «факир» в интересующем текстовом фрагменте указывают на Махабхарату. Однако такому указанию противоречит единственное число. Версия о имплицировании смысла «сын Книги» вполне возможна.

Можно усмотреть в словоупотреблении «сын Парвы» отнесение к Ам асефер (Народ Книги), т.е., опять же «сын Книги». Авторы романа могли имплицировать смысл «сын Девы» (лат. *parva* — девочка), тем более, при наличии в тексте романа упоминания о необходимости «несколько дней побыть Иисусом Христом» [15, с. 67]. Формальная связь с праздником Чайтра Парва в Восточной Индии, являющемуся смешением многочисленных индийских ритуалов и традиций древних племен и посвященному Шиве и его супруге богине Кали.

Мы предположили, что «как и в случае ‚сын турецко-подданного‘, иносказательный компонент ‚сын‘ имплицировал идеологическую преемственность, а компонент ‚Парва‘ указывал на то, какая именно идеология имеется в виду, т.е. на синтез религиозно-правовых систем, составляющих Воровской Закон» [12]. Разумеется, наличие только одного или нескольких иносказательных компонентов в анализируемом романе, даже при установлении формальной связи, не может быть окончательным критерием. Это один из критериев, а приведенный пример имеет целью показать одну из форм выражения интересующих нас ментальных моделей.

Референтное пространство Воровского Закона может быть выражено и в описательный способ без формальных языковых связей. «Высота эстетического, которое оказывается наиболее удаленным от низшего, собственно языкового уровня, коррелирует с наличием в тексте множества ‚тайн и загадок‘, разгадывание которых понимается как поиск ключей к эстетическому коду и составляет суть интерпретационной деятельности» [5, с. 3-4]. Разгадывание этих «тайн и загадок» может происходить не всегда и сразу, как в случае выражения концепта Великого Шелкового пути с последующим отнесением к доктрине «батина», т.е. каббалистического по своей сути поиска скрытого смысла для избранных и интерпретации определенных текстов на основе интенциональности сознания. Для выражения концепта Великого Шелкового пути авторы употребили ряд этнонимов / этниконов / эндоэтнонимов / макротопонимов, одновременно вызывающих комический эффект для непосвященных и указывающих для посвященных при соотнесении с референтным пространством Воровского Закона на скрытый контекст [12]. Вопрос сокрытия смысла для непосвященных с одновременным намеканием для посвященных был разработан В. И. Заикой, который в своих исследованиях опирался на работы А. А. Поликарпова, С. Д. Кацнельсона, Е. Д. Поливанова, О.В. Лещака и др. Намек рассматривался как основополагающий принцип вербальной коммуникации, которая заключалась

не в передаче смыслов, а во взаимодействии, «когда индивидотправитель с той или иной степенью искусности и учета всех условий данного акта общения подбирает (через определенное число промежуточных этапов) к своим, весьма сложным, индивидуальным и актуально-изменчивым образам-смыслам стандартные, ограниченные по набору и структурно (информационно) достаточно простые знаковые средства, которые, будучи преданы по каналу связи, наилучшим образом в данных условиях намекают получателю на исходные смыслы, давшие толчок всей этой сложной цепи преобразований» [5, с. 232-233]. Читатель получает в данном случае не смысловую информацию, а структурно-знаковую, а смысловая информация не передается, а возбуждается в сознании получателя с помощью направленного знакового намека отправителя и направленной интерпретации этого намека получателем. В. И. Заика упоминал в данной связи о том, что «существенным признаком ментальных образований, возникающих в результате чтения текста (когнитивных сценариев, о которых писал О.В.Лещак), является то, что сам текст по этому сценарию не может быть воспроизведен (...), „однако то, что может быть воссоздано согласно этого сценария, в определенной степени может коррелировать с тем, что образуется в сознании в момент восприятия данного текста“. (...) референтное пространство подобно когнитивному сценарию, по которому можно рассказать о плане содержания, включая и состояние воспринимающего, переживающего этот план содержания как совокупность образов в последовательном осмысленном восприятии текста. Референтное пространство — динамический участок ментального пространства, оно создается на базе опыта, ментального пространства, на поле литературы, более лично, чем содержание, важнейшим „скрепляющим“ референтное пространство элементом является неявное знание» [5, с. 315]. Для целей представленного исследования наиболее важным является то, что при соотнесении с референтным пространством Воровского Закона как индивидотправитель, так и получатель, пропускают промежуточные этапы и сразу же получают исходные смыслы. В романе «Золотой теленок» о правильности этого тезиса могут свидетельствовать упоминания о Воровском Законе при помощи идеографических знаков и символов.

3) Анализ упоминаний о Воровском Законе в романе «Золотой теленок» и, как следствие, способов выражения ментальных моделей при помощи идеографических знаков и символов стал возможен лишь после доказательства, что Воровский Закон в романе все-таки упоминается, правда при помощи знаковых средств иного порядка (т.е. описательно). Вызвано это пропуском промежуточных этапов и получением исходного смысла, что может выражаться в корреляции словоупотреблений на «филологической степени приближения» со знаками и символами иного порядка и подтверждением модельным анализом на остальных «степенях приближения» В представленном исследовании мы считаем возможным доказать только два упоминания (хотя их значительно больше): татуировку Остапа «Наполеон с кружкой» и один из ребусов Синицкого.

Татуировка Остапа Бендера «Наполеон с кружкой» [14, с. 545] неразрывно связана с питьем пива «Тип-топ» [14, с. 381]. Применение для анализа только лингвистического инструментария является бесполезным и ведет к неправильным выводам. Продемонстрируем это на конкретном примере: «Тип-топ — хорошо в воровских жаргонах, позднее сленгах некоторых европейских

языков, известных автору представленной статьи — русского, польского, английского и немецкого. Вряд ли современная молодежь слышала миф о ‚Воровском Интернационале‘ с его ежегодными собраниями в Берлине во второй половине XIX века и питьем дешевого, но качественного пива ‚Тип-топ‘, производимого в Берлине с конца 60-х годов того же столетия (...)» [8]. В приведенной цитате мы видим, что под сомнение ставится не питье пива «Тип-топ», а существование Воровского Закона («Воровского Интернационала») как международной организации с собраниями т.н. «воров в законе» разных национальностей — «миф блатной романтики». Дальнейшие исследования показали, что собрания т.н. «воров в законе» разных национальностей, в том числе в местах лишения свободы, не являются только мифом [3, с. 235]. В романе «Золотой теленок» все предприятие по поиску «золотого теленка», т.е. крупной суммы денег [15, с. 114] начинается с упоминания о пиве «тип-топ». Выше мы указывали на то, что при соотнесении с референтным пространством Воровского Закона как индивидоотправитель, так и получатель, пропускают промежуточные этапы и сразу же получают исходные смыслы. Наполеон на татуировке соотносим с Воровским Законом не на основе по меньшей мере странных легенд о его принадлежности к «братьям из Аяччо» («Как бригадир перебил братьев из Аяччо» Артура Конан Дойля) или иной тайной организации, а идеографического знака — пчелы, становящегося символом при отнесении к определенному референтному пространству, в нашем исследовании — Воровскому Закону. Идеографический знак пчелы становится символом и заменяет цветок лилии в геральдических орнаментах при Бонапартах. Но в референтных пространствах религиозно-правовых систем, являющихся интегральной частью Воровского Закона, идеографический знак пчелы олицетворяет царскую мощь и мудрость, божественное происхождение, и, самое главное — отнесение к священникам у ессеев, монашеским орденам в Средневековье, Святому Духу у Бернарда Клервоского, аллегорией души в греческой, арийской, ближневосточной, исламской традициях, и символом реинкарнации в индуизме и зерванизме. В пользу предположения о намеке на реинкарнацию и отнесении к референтному пространству Воровского Закона может свидетельствовать появление символа пчелы в фильме, с которым авторы романа были знакомы [21, минуты 53-55]. Как и в случае анализа иносказательного компонента «сын Парвы», искривление референтного пространства Воровского Закона позволяет сводить линейно несводимые референтные пространства религиозно-правовых систем, являющихся его интегральными частями. Наличие идеографического знака призвано обеспечить пропуск одного или более промежуточных этапов для посвященных в «неявное знание» и укрытие сокровенного смысла от посторонних. В пользу нашего предположения может свидетельствовать анализ иного упоминания Воровского Закона при помощи идеографических знаков в романе «Золотой теленок»:

«Среди прочих загадочных рисунков был там нарисован нуль, из которого сыпались буквы ‚Т‘, елка, из-за которой выходило солнце, и воробей, сидящий на нотной строке. Ребус заканчивался провернутой вверх запятой.

– Этот ребус трудненько будет разгадать! — говорил Синицкий, похаживая вокруг столовника. — Придется вам посидеть над ним, Александр Иванович.

– Придется, придется, — ответил Корейко с усмешкой, — только вот гусь меня смущает. К чему бы такой гусь? А-а-а. Есть. Готово. „В борьбе обретишь ты право свое“?

– Да, — разочарованно протянул старик, — как это вы так быстро угадали? Способности большие! Сразу видно юриста» [15, с. 114].

Начнем наш анализ с формальных связей и словоупотребления «гусь», на которое авторы недвусмысленно указывают в общеизвестной версии произведения перед рассматриваемым отрывком — «Первым долгом он набросал карандашом гуся, держащего в клюве букву „Г“, большую и тяжелую, как виселица» [14, с. 452]. Слово «гусь» может имплицировать в русском и польском уголовном дискурсах на момент написания романа взломщика сейфов [2, с. 98; 20, с. 102] и «блатного» [19, т. 2, с. 409], тем более, на преступную деятельность указывает намек на виселицу. Слово «юрист» (имплицирующее «законник»?) было удалено из версии романа для печати и заменено на «счетовод первого разряда», а слово «нуль» на «куль» [14, с. 453]. Лозунг «В борьбе обретешь ты право свое» в романе был отнесен к эсеровским лозунгам, и в массовом сознании читателей мог ассоциироваться с т.н. «экспроприациями», т.е. вооруженным грабежом. Напомним, что это противоречило стереотипам и алгоритмам поведения Остапа Бендера. Соотнесение идеографических знаков с референтным пространством Воровского Закона может предполагать контекст, укрытый от непосвященных:

Удаленное из печатной версии романа слово «нуль» как идеографический знак могло указывать, как и концепт Великого Шелкового пути, на доктрину «батин», если принять версию, что десятичный нуль был изобретен индийскими математиками. Можно предположить имплицирование смысла «начало».

В случае буквы «Т» можно предположить отнесение к римскому кресту, Иисусу Христу и намекание, как и в случае «сына Парвы», на Ам асефер (Народ Книги), т.е., опять же «сын Книги». Можно предположить имплицирование старославянского «тврѣдо», которое выжигали на левой и правой щеках «татам» [1]. В референтном пространстве Воровского Закона обе версии покрываются: «говорят, что Христос тоже был бродягой, и за это его кончили менты» [4, минута 3.10-3.21].

«Елка, из-за которой выходило солнце» может указывать на ритуал «Непомнящих родства» и метемпсихозис и позволяет приблизительно установить, когда именно детали исполнения ритуала «Непомнящих родства» стали модифицироваться в сторону зерванизма [7].

«Воробей, сидящий на нотной строке» мог символизировать «воров» и «блатную музыку»: «воробы, вы ж воры как и я» [16]. Необходимо вспомнить о том, что «воробей» (как и синица, входящая в отряд воробьинообразных) культурологически соотносится с воровством.

«Провернутая вверх запятая» могла указывать на необходимость пропуска одного из элементов ребуса. На наш взгляд, при отнесении к референтному пространству Воровского Закона, авторы романа могли подразумевать квантор. Квантор присутствует в рассматриваемом референтном пространстве [22, минута 7.40]. Согласно референтному пространству Воровского Закона, иносказательный лозунг «В борьбе обретешь ты право свое» коррелирует с «Happiness must be earned» [21, начало и конец фильма] и отсылает к первоисточнику, Юриспруденции понятий Рудольфа фон Иеринга. Это является пока предположением, которое необходимо проверить в дальнейших исследованиях.

На основании вышеизложенного мы можем сделать следующие выводы:

1) Ментальные модели выражались рядом стереотипов и алгоритмов

поведения, свойственных т.н. «ворам в законе». Частотность их упоминания в романе была различна, для усмотрения закономерности нужен дальнейший анализ. С точки зрения выражения языковыми средствами, наличие формальных связей минимально, не употребляются арготизмы, жаргонизмы, элементы фени и т.д. в традиционном понимании. Иными словами, на «седьмой степени приближения», т.е. с точки зрения филологии, мы не увидим закономерностей, которые становятся заметны на остальных «степенях приближения».

2) Ментальные модели выражаются не только описательно, в случае некоторых иносказательных компонентов возможно установление формальных связей (т.е. связей также по форме). Следует заметить, что количество таких иносказательных компонентов в тексте романа минимально и незаметно без наложения референтного пространства Воровского Закона.

3) Наибольший интерес представляют идеографические знаки, становящиеся символами при соотнесении с референтным пространством Воровского Закона. Эти идеографические знаки не проясняемы без соотнесения с соответствующим референтным пространством. В представленной статье мы остановились только на двух упоминаниях, анализ остальных ребусов и легенд будет возможен после рассмотрения ряда «клубков» и «нитей» в остальных «сведениях источников», в которых напрямую или косвенно упоминается Воровской Закон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Е. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века / Е. Анисимов / СПб.: Норинт 2004. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://krotov.info/history/18/1/anisimov_5.htm [Доступ 8.07.2014].
2. Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона. От А до П / Д.С. Балдаев — М.: Кампана, 1997. — 387с.
3. Geremek В. O średniowieczu / В. Geremek — Warszawa: Instytut Historii PAN, 2012. — 814 с.
4. Заборский А. Паучок. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=GkBvIP4-wUA>
5. Заика В.И. Очерки по теории художественной речи [монография] / В. И. Заика — Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2006. — 407 с.
6. Зубков Е.А. Влияние иерархии ценностей в преступной деятельности на поведение индивида / Е.А. Зубков // Вестник Новгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки, № 83. — Великий Новгород, 2014. — С. 68-73.
7. Зубков Е.А. Возможные ограничения при ответе на вопрос о принадлежности к «ворам в законе» / Е.А. Зубков // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета № 109, 2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/>
8. Зубков Е.А. Границы спрятанного мифа «блатной романтики». / Е.А. Зубков // Материалы VII Международной научной конференции «Język, Literatura i Kultura Rosji w XXI wieku. Teoria i praktyka» — Kielce, 2010. — С. 215-227.
9. Зубков Е.А. Иносказание в русском уголовном дискурсе. «Масти», «Понятия», «Воровской Закон»/ Е.А. Зубков — Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2014. — 396 с.
10. Зубков Е.А. Некоторые способы сокрытия информации в уголовном дискурсе и применение АСК-анализа / Е.А. Зубков // Политематический

- сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета, № 110, 2015. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/>
11. Зубков Е.А. Представление образа «вора в законе» в романе «Золотой теленок». Материалы XXV научной конференции «Язык и культура имени Сергея Бураго», Киев 20-23.06. 2016. Рукопись статьи была представлена в редакцию журнала.
 12. Зубков Е.А. Представление образа «вора в законе» в романе «Золотой теленок». Выражение ментальных моделей / Е.А. Зубков // Мир лингвистики и коммуникации, № 3, 2016. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tverlingua.ru/>
 13. Зубков Е.А. Формы существования Воровского Закона / Е.А. Зубков // Studia Methodologica. Выпуск 41. — Тернополь, 2015. — С. 38-45.
 14. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. — М.: Издательство «Э», 2015. — 720 с.
 15. Ильф И., Петров Е., Золотой теленок. / Под ред. Одесский М.П., Фельдман Д.М. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://loveread.ec/read_book.php?id=3620&p=
 16. Круг М. Воробы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=CW1fCWuybUQ>
 17. Лещак О.В. Онтологические проблемы ономазиологии и категориальная типологизация семантического пространства языкового опыта / О.В. Лещак // Studia Rusycystyczne, tom 18. — Kielce, 2009. — с. 177-193.
 18. Лещак О.В. Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики / О.В. Лещак. — Тернополь : Пудручники і посібники, 1996. — 445 с.
 19. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. В 2-х частях. Изд. 2-е, дополненное. — М.: Просвет 1991. т. 1— 270 (263е) с, т.2. —548 с.
 20. Stepniak K. Słownik gwar przestępczych. / K. Stepniak — Warszawa: Oficyna Wydawnicza Mireki. — 490 с.
 21. The Thief of Bagdad. Режиссер Паул Уолш, автор сценария Даглас Фэрбенкс, 1924. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=c1C6PutTlow>
 22. The Thief of Bagdad. Режиссер Клайв Доннер, авторы сценария Эндрю Биркин, Эй. Дж. Каросерс, 1978. Часть 2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=heMdaY5CWEA>